

ВВЕДЕНИЕ

ДВА ПОНЯТИЯ ПЕРЕЖИВАНИЯ

Предметом нашего анализа являются процессы, которые в обыденном языке удачно выражаются словом «переживание» (в том значении, в котором «пережить» — значит перенести какие-либо, обычно тягостные, события, преодолеть какое-нибудь тяжелое чувство или состояние, вытерпеть, выдержать и т. д.) и в то же время не нашли своего отражения в научном психологическом понятии переживания.

Когда мы обеспокоены тем, как небезразличный нам человек переживет постигшую его утрату, это тревога не о его способности чувствовать страдание, испытывать его (то есть не о способности переживать в традиционном психологическом смысле термина), а совсем о другом — о том, как ему удастся преодолеть страдание, выдержать испытание, выйти из кризиса и восстановить душевное равновесие, словом, психологически справиться с ситуацией. Речь идет о некотором активном, результативном внутреннем процессе, реально преобразующем психологическую ситуацию, о переживании-деятельности.

Достаточно взглянуть на традиционное психологическое понятие переживания, чтобы убедиться, что оно имеет мало общего с идеей переживания-деятельности. Это традиционное понятие задается через категорию психического явления. Всякое психическое явление характеризуется с внешней стороны своей отнесенностью к той или иной «модальности» (чувству, воле, представлению, памяти, мышлению и т. д.), а со стороны внутренней структуры, во-первых, наличием того, что Ф. Brentano назвал «имманентной предметностью» (Брентано, 1996)²⁴ и что в современной психологии именуется предметным содержанием психического явления (Рубинштейн, 1946), и, во-вторых, тем, что оно непосредственно испытывается субъектом, дано ему. Последний аспект психического явления и зафиксирован в понятии переживания. Таким образом, переживание в психологии понимается как непосредственная внутренняя субъективная данность психического явления в отличие от его содержания и «модальности». С этой точки зрения

---

²⁴ За время, прошедшее с момента первой публикации «Психологии переживания», появились новые издания и переводы книг из библиографического списка. В отдельных случаях ссылки обновлены редакторами. — *Примеч. ред.*

теоретически осмысленны, хотя и режут слух, такие изредка употребляемые выражения, как «мыслительное переживание», «зрительное переживание» и т. п. (Бехтерев, 1926; Ветров, 1972)²⁵.

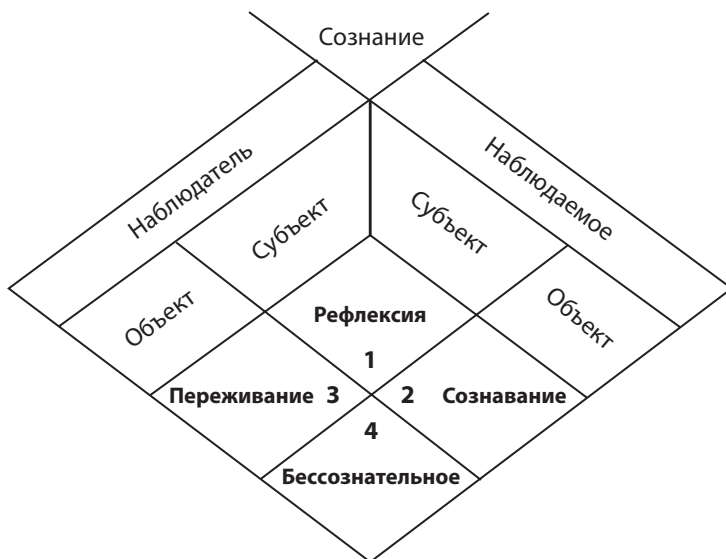
Чтобы точнее уяснить смысл этого понятия, необходимо рассмотреть переживание в его отношении к сознанию. Оба структурных компонента психического явления — предметное содержание и переживание — как-то даны сознанию, но даны по-разному, в совершенно различных режимах наблюдения. При активных формах восприятия, мышления, памяти сознаваемое предметное содержание выступает как пассивный объект, на который направлена психическая деятельность. То есть предметное содержание дано нам в *сознавании*, которое является особым актом наблюдения, где Наблюдаемое предстает как объект, а Наблюдатель — как субъект этого акта. В случае же переживания эти отношения оборачиваются. Каждому из внутреннего опыта хорошо известен факт, что наши переживания протекают спонтанно, не требуя от нас специальных усилий, даны нам непосредственно, сами собой (ср.: декартово «воспринимаем сами собой»). Сказать о переживании, что оно «дано само собой», — значит подчеркнуть, что оно именно дано само, своей силой, а не берется усилием акта сознания или рефлексии, иначе говоря, что Наблюдаемое здесь активно и является, следовательно, логическим субъектом, а Наблюдатель, наоборот, лишь испытывает, претерпевает воздействие данности, пассивен и поэтому выступает как логический объект.

Чтобы четче оттенить специфику переживания как особого режима функционирования сознания, нужно назвать две оставшиеся комбинаторные возможности. Когда сознание функционирует как активный Наблюдатель, схватывающий свою собственную активность, то есть и Наблюдатель, и Наблюдаемое обладают активной, субъектной природой, мы имеем дело с рефлексией. И, наконец, последний случай — когда и Наблюдатель, и Наблюдаемое являются объектами и, значит, само наблюдение как таковое исчезает — фиксирует логическую структуру понятия бессознательного. С этой точки зрения становятся понятными распространенные физикалистские представления о бессознательном как о месте молчаливого взаимодействия психологических сил и вещей (Зинченко, Мамардашвили, 1979).

---

²⁵ В таком самом общем определении понятия переживания совпадает с картезианским «*cogito*». «Под словом мышление (*cogitatio*), — пояснял Декарт, — я разумею все то, что происходит в нас таким образом, что мы воспринимаем его сами собой; и поэтому не только понимать, желать, воображать, но также и чувствовать означает здесь то же самое, что и мыслить» (Декарт, 1950, 429).

В итоге этого рассуждения мы получаем категориальную типологию, указывающую на место переживания среди других режимов функционирования сознания.

Рис. 1. Типология режимов функционирования сознания

Мы не имеем возможности останавливаться на подробной интерпретации этой типологии, она слишком далеко увела бы нас от основной темы, тем более что главное и без того достигнуто — сформулирована система со- и противопоставлений, задающих основной смысл традиционного психологического понятия переживания.

В рамках этого общего смысла наибольшее распространение в современной психологии получил вариант этого понятия, ограничивающий переживание сферой субъективно значимого. Переживание при этом понимается в его противопоставлении объективному знанию: переживание — это особое, субъективное, пристрастное отражение, причем отражение не окружающего предметного мира самого по себе, а мира, взятого в отношении к субъекту, с точки зрения предоставляемых им (миром) возможностей удовлетворения актуальных мотивов и потребностей субъекта. В этом понимании нам важно подчеркнуть не то, что отличает переживание от объективного знания, а то, что объединяет их, а именно, что переживание мыслится здесь как *отражение*, что речь идет о переживании-созерцании, а не о переживании-деятельности, которому посвящено наше исследование.

Особое место в психологической литературе по переживанию занимают работы Ф. В. Бассина (1971; 1972), с именем которого в отечественной психологии 1970-х годов ассоциируются, во-первых, сама проблематика «значащих переживаний» (термин Бассина) и, во-вторых, попытка представить их как «преимущественный предмет психологии» (Бассин, 1971, 107). В этих работах понятие переживания получало, если можно так выразиться, серьезную встряску, в результате которой границы его были размыты (но и расширены!) сближением этого понятия с большой и неоднородной массой феноменов и механизмов (среди них «комплекс неполноценности» А. Адлера, эффект «незавершенности действия» Б. В. Зейгарник, механизмы психологической защиты, механизм «сдвига мотива на цель» А. Н. Леонтьева и т. д.), что позволило Ф. В. Бассину (1969; 1971) выдвинуть ряд перспективных гипотез, выходящих за пределы традиционного понятия переживания, к одной из которых мы в свое время вернемся. Главное же в работах Ф. В. Бассина заключается, по нашему мнению, в намечившемся, хотя явно не сформулированном переходе к «экономической» точке зрения на переживание, то есть к усмотрению за поверхностью феноменально ощущаемого потока переживания прodelьваемой им *работы*, производящей реальные и жизненно важные, значимые изменения сознания человека. Если бы такой переход удалось проделать строго и систематически, мы бы имели теорию переживания, объединяющую переживание-созерцание и переживание-деятельность в едином представлении.

Ни Ф. В. Бассину, ни кому-либо другому сделать это на уровне целостной теории пока не удалось; исследования переживания-созерцания, ведущиеся в основном в русле изучения эмоций, и исследования переживания-деятельности, осуществляемые в теориях психологической защиты, психологической компенсации, совладающего поведения и замещения, идут большей частью параллельно. Однако в истории психологии существуют образцы удачного сочетания этих двух категорий в клинических анализах конкретных переживаний — например, в анализе З. Фрейдом (1923) «работы печали», Э. Линдеманном (Lindemann, 1944) «работы горя», в сартровском понимании эмоции как «магического действия» (Сартр, 1984), — и это дает повод надеяться, что рано или поздно объединяющая теория переживания будет построена.

ВВЕДЕНИЕ ПОНЯТИЯ ПЕРЕЖИВАНИЯ В КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АППАРАТ ТЕОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Построение такой объединяющей теории — дело будущего. Перед нами стоит куда более скромная задача — разработка представлений о переживании-деятельности с позиций деятельностного подхода в психологии. Вводимое понятие, таким образом, не претендует на то, чтобы заменить собой или включить в себя традиционное понятие переживания²⁶. Оно вводится не вместо него, а рядом с ним как самостоятельное и независимое понятие.

В западной психологии проблема переживания активно изучается в рамках исследования процессов психологической защиты, компенсации, совладающего поведения. Там описана масса фактов, создана развитая техника теоретической работы с ними, накоплен большой методический опыт практической работы с личностью, находящейся в критической жизненной ситуации. В последние годы эта область стала предметом пристального внимания многих отечественных психологов и психиатров. Теория же деятельности оставалась несколько в стороне от этой проблематики.

А между тем, раз эта теория претендует на роль общей психологии, она не может безучастно смотреть на существование целых пластов психологических фактов (известных другим психологическим системам) и целых областей практической психологической работы без того, чтобы попытаться теоретически ассимилировать эти факты и соответствующий им интеллектуальный и методический опыт.

Нельзя, разумеется, утверждать, что психологическая теория деятельности до сих пор совсем не замечала этой сферы психологической реальности. Ход исследования не раз приводил многих авторов, развивающих теоретико-деятельностный подход, к проблеме переживания. Мы обнаруживаем в их трудах анализ конкретных случаев переживания. Вспомним, например, описание А. Н. Леонтьевым «психологического выхода», который нашли революционеры-узники Шлиссельбургской крепости, чтобы пережить необходимость

---

²⁶ Далее вместо термина «переживание-деятельность» мы будем пользоваться термином «переживание», помечая «звездочкой» случаи, когда слово будет употребляться в традиционном для психологии значении.

исполнения тяжелого принудительного труда (Леонтьев, 1971)²⁷; разработку представлений о психологических ситуациях и состояниях, являющихся причинами процессов переживания, к которым относятся «дезинтегрированность сознания» (Леонтьев, 1972), кризис развития личности (Зейгарник, Братусь, 1980), состояние психической напряженности (Наенко, 1976), конфликт личностных смыслов (Столин, 1980). К идее переживания приходят и при исследовании отдельных психических функций — назовем представление В. К. Вилюнаса (1976, 128–130) об «эмоциональном способе разрешения ситуаций», попытку Е. Т. Соколовой (1980) объяснить такие феномены восприятия, как перцептивная защита и др., с помощью понятия личностного смысла, — и при изучении общих механизмов функционирования психики, например при изучении с деятельностных позиций феномена установки (Асмолов, 1979). Кроме того, мы находим в теории деятельности ряд общих понятий, которые могут быть непосредственно использованы для развития представлений о переживании. Среди них следует особо выделить понятие «внутренней работы» или «работы сознания» (Зейгарник, Братусь, 1980, 139; Леонтьев, 1975, 206, 222).

Однако все эти сами по себе ценные идеи и представления носят разрозненный относительно нашей проблемы характер, поскольку они выдвигались, так сказать, попутно, при решении совсем других теоретических задач, и их, конечно, совершенно недостаточно для теоретического освоения такой важной темы, какой является переживание²⁸. Чтобы это освоение носило систематический характер, чтобы оно не было механическим пересаживанием понятий из других концептуальных систем на новую теоретическую почву, а было осуществлено за счет органического роста самой теории деятельности, необходимо ввести в нее новую категорию, вокруг которой группировалась бы разработка этой проблемы. В качестве таковой мы и предлагаем категорию переживания.

Но что значит ввести новую категорию в сложившуюся понятийную систему? Это значит, во-первых, показать такое состояние или качество объекта, изучаемого этой системой, перед описанием и объяснением которого она становится в тупик, то есть продемонстрировать внутреннюю нужду системы

---

²⁷ Они стали рассматривать установленное тюремным начальством наказание — бессмысленную переноску земли — как средство поддержания своих физических и нравственных сил для продолжения своего дела.

²⁸ Не случайно А. Н. Леонтьев, обсуждая перспективные проблемы отечественной психологии, написал о том, что вопросы о конфликтных переживаниях и психологической компенсации до сих пор незаслуженно игнорировались (Леонтьев, 1975).

в новой категории, а во-вторых, соотносить ее с основными категориями этой системы.

Достаточно взять одну из классических для теорий психологической защиты и совладающего поведения ситуаций, скажем, ситуацию смерти близкого человека, чтобы обнаружить, что теория деятельности относительно легко может ответить на вопросы, почему при этом возникает психологический кризис и как он феноменологически проявляется, но она даже не задаст самого главного вопроса: как человек выходит из кризиса?

Разумеется, это не принципиальная неспособность теории; просто исторически сложилось так, что ее основные интересы лежали до сих пор в другой плоскости — в плоскости предметно-практической деятельности и психического отражения. Эти категории и определяли характер основных вопросов, с которыми исследователь подходил к психологическому анализу реальности. Но в самой этой реальности, в жизни, существуют ситуации, главная проблема которых не может быть решена ни самым оснащенным предметно-практическим действием, ни самым совершенным психическим отражением. Если человеку угрожает опасность, пишет Р. Питерс, он может попытаться спастись бегством, «но если он охвачен горем: у него умерла жена, то каким особым действием можно исправить эту ситуацию?» (Peters, 1970, 192). Такого действия не существует, потому что нет такого предметного преобразования действительности, которое разрешало бы ситуацию, и, соответственно, невозможна постановка внутренне осмысленной и в то же время внешне адекватной ситуации (то есть осуществимой) цели. Значит, предметно-практическое действие бессильно. Но так же бессильно и психическое отражение, как рациональное (что очевидно), так и эмоциональное. В самом деле, эмоция, коль скоро она является особым отражением²⁹, может только выразить субъективный смысл ситуации, предоставив субъекту возможность рационально осознать его, смысл, молчаливо предполагающийся наличным до и независимо от этого выражения и осознания. Иначе: эмоция только *констатирует* отношение между «бытием и долженствованием», но не властна изменить его. Так мыслится дело в теории деятельности. Не обладает способностью разрешить подобную психологи-

---

²⁹ А в теории деятельности эмоция рассматривается именно так и только так. Хотя среди авторов, исследовавших эмоции, существуют разногласия по вопросу об их функциях, но то, что эмоция — это отражение, пусть особое, имеющее особый объект (не внешнюю действительность, а отношение ее к потребностям субъекта), особую форму (непосредственного переживания* или так называемой эмоциональной окраски), но все-таки отражение и ничто иное — в этом пункте все они едины (Божович, 1968, 157; Запорожец, Неверович, 1974, 64; Леонтьев, 1975, 198 и др.).

ческую ситуацию и развертывающийся на основе эмоции процесс решения «задачи на смысл» (Леонтьев, 1971, 27), поскольку он как бы продолжает на другом уровне отражение, начатое эмоцией.

Итак, предложенная нами «экзаменационная» ситуация оказывается неразрешимой ни для процессов предметно-практической деятельности, ни для процессов психического отражения. Как далеко бы мы ни шли по линиям этих процессов, нигде не наступит такой момент, когда благодаря им человек справится с непоправимой бедой, вновь обретет утраченный смысл существования, «духовно оправится», по выражению М. Шолохова. Он может в лучшем случае очень точно и глубоко осознать, что произошло в его жизни, что значит для него это событие, то есть осознать то, что психолог назовет «личностным смыслом» события и что сам человек в данной ситуации может ощутить как лишение смысла, как бессмыслицу³⁰. Подлинная проблема, стоящая перед ним, ее критический пункт состоят не в осознании смысла ситуации, не в выявлении скрытого, но имеющегося смысла, а в его созидании, в смыслопорождении, смыслостроительстве.

Процессы этого рода и составляют то искомое измерение психологической реальности, для которого в теории деятельности нет соответствующей категории. Предлагая на это место понятие переживания и переходя таким образом ко второй, «позитивной», фазе его введения, необходимо отвести возможные претензии на роль этой категории со стороны понятия смыслообразования.

³⁰ Здесь необходим небольшой экскурс в область представлений о смысле. Это понятие в концепции А. Н. Леонтьева неоднозначно. Для наших целей важно различить три его значения, которые задаются тремя оппозициями: 1) смысл — значение; 2) смысл — эмоция; 3) наличие смысла (осмысленность) — отсутствие его (бессмысленность). Первая из них является производной от фундаментальной оппозиции знания и отношения (Леонтьев, 1975, 123): как значение — единица объективного знания о действительности, так смысл — единица субъективного (пристрастного) отношения к ней. Это первое значение понятия «смысл» абстрагируется от конкретной формы его существования в сознании. Второе противопоставление — смысла и эмоции — как раз и различает две основные формы этого существования. Эмоция — это непосредственное выражение отношения человека к тем или иным событиям и ситуациям, а смысл — это уже нечто опосредованное значениями и вообще знанием, познанием самого себя и своей жизни: смысл — это эмоция с-мыслью, эмоция, про-светленная мыслью. Третья оппозиция (осмысленность — бессмысленность) имеет совсем другое происхождение. Ее истоком является понятие смыслообразующего мотива. Только когда деятельность субъекта и вообще ход событий развертываются в направлении реализации смыслообразующих мотивов, тогда ситуация является осмысленной, имеющей смысл. В противном случае она становится бессмысленной.

Последнее в том виде, в котором оно обращается в теории деятельности, часто употребляется применительно к процессу возникновения любого личностного смысла (а не применительно к возникновению *осмысленности*), то есть безотносительно к выделению особых, смыслообразующих мотивов. Но главное даже не в этом: смыслообразование рассматривается как *функция мотива* (Коченов, Николаева, 1978; Леонтьев, 1975 и др.), а когда мы говорим о смыслопорождении, то имеем в виду особую *деятельность субъекта*³¹.

Специфика этой деятельности определяется особенностями жизненных ситуаций, ставящих субъекта перед необходимостью переживания. Мы будем называть такие ситуации *критическими*. Если бы требовалось одним словом определить характер критической ситуации, следовало бы сказать, что это ситуация *невозможности*. Невозможности чего? Невозможности жить, реализовывать *внутренние необходимости* своей жизни.

Борьба против этой невозможности за создание ситуации возможности реализации жизненных потребностей и есть переживание. Переживание — это преодоление некоторого «разрыва» жизни, это некая восстановительная работа, как бы перпендикулярная линии реализации жизни. Если психологическая теория деятельности изучает, образно говоря, то, как человек идет по жизненному пути, то теория переживания изучает, как он падает и поднимается, чтобы продолжить движение. То, что процессы переживания противопоставляются реализации жизни, то есть деятельности, не означает, что это какие-то мистические внежизненные процессы: по своему психофизиологическому составу это те же процессы жизни и деятельности, но по своему психологическому смыслу и назначению это процессы, направленные на самую жизнь, на обеспечение психологической возможности ее реализации. Таково предельно абстрактное понимание переживания на бытийном уровне описания, то есть в отвлечении от сознания.

То, что на уровне бытия предстает как *возможность* реализации жизненных потребностей, как возможность жизнеутверждения, то на уровне сознания, точнее одного, самого «низкого» его слоя — «бытийного сознания»³², предстает

---

³¹ В теории деятельности, кстати сказать, уже существует образец подхода к смыслообразованию как деятельности, реализованный на материале псевдоскопического зрения (Пузырей, 1976; 1980).

³² Идея о существовании такого слоя достаточно хорошо отработана в философской литературе, скажем, в понятии дорефлексивного сознания. Эта идея в разных видах неоднократно использовалась и при построении психологических теорий. Не чужда она и теории деятельности, неявно реализуясь в понятии мотива и явно используя группой авторов, попытавшихся поставить во главу угла теоретико-

как *осмысленность жизни*. Осмысленность жизни есть общее имя (получаемое на уровне феноменологического описания) для целого ряда конкретных психологических состояний, непосредственно опознаваемых в сознании в соответствующем ряде переживаний* — от удовольствия до чувства «оправданности существования», составляющего, по словам А. Н. Леонтьева, «смысл и счастье жизни» (Леонтьев, 1975, 222). «Невозможность» также имеет свою позитивную феноменологию, имя которой — бессмысленность, а конкретные состояния — отчаяние, безнадежность, несбыточность, неизбежность и проч.

Поскольку жизнь может обладать различными видами *внутренних потребностей*, естественно предположить, что реализуемости каждой из них соответствует свой тип состояний возможности, а нереализуемости — свой тип состояний невозможности. Каковы конкретно эти типы потребностей и эти состояния, предрешить нельзя — это один из основных вопросов всего исследования. Можно только сказать, что в ситуации невозможности (бессмысленности) перед человеком в той или иной форме встает «задача на смысл» — не та задача на воплощение в значениях объективно наличного в индивидуальном бытии, но не ясного сознанию смысла, о которой только и идет речь в теории деятельности А. Н. Леонтьева³³, а задача добывания осмысленности, поиска источников смысла, «разработки» этих источников, деятельного извлечения из них смысла и т. д. — словом, *производства* смысла.

Именно эта общая идея *производства смысла* позволяет говорить о переживании как о *продуктивном* процессе, как об особой *работе*. Хотя заранее можно предположить, что идея производства в разной мере и в разном виде

деятельностного подхода к личности понятие смысловых образований (Асмолов, Братусь и др., 1979). Современная психология не может уже, по словам В. П. Зинченко и М. К. Мамардашвили, игнорировать мысль о том, что «нечто в сознании обладает бытийными (и поддающимися объективному анализу) характеристиками по отношению к сознанию в смысле индивидуально-психологической реальности (Зинченко, Мамардашвили, 1979, 279).

³³ Справедливости ради надо сказать, что А. Н. Леонтьев прекрасно понимал, что «задача на смысл» оборачивается для личности «задачей на соотношение мотивов» (Леонтьев, 1975, 206), что она не заканчивается осознанием этих соотношений, а требует для своего решения особой преобразующей работы над своими мотивами: «Нужна особая внутренняя работа, чтобы решить такую задачу и, может быть, оторгнуть от себя то, что обнажилось» (там же). Однако перед нами только приподнимают полог, за которым открывается чудесная (иначе не скажешь) психологическая область, где не мотивы властвуют над человеком, а он сам становится хозяином, больше того — творцом своих мотивов.

приложима к различным типам переживания, она является для нас онтологически, гносеологически и методологически центральной. Онтологически потому, что идея переживания как продуктивного акта является выражением общей идеи человека как существа, призванного и способного быть свободным и творческим, причем творческим по отношению не только к внешнему миру, но и к самому себе. Продуктивность, а в пределе — творческий характер переживания, является, как мы увидим в дальнейшем, неотъемлемым свойством высших, наиболее развитых его типов. В гносеологическом плане именно высшие формы развития изучаемого объекта дают ключ к пониманию низших его форм. И наконец, в методологическом — потому что в этой идее, как ни в какой другой, сконцентрирована сущность деятельностного подхода в психологии, методологическим образцом и ориентиром которого является Марксово представление о производстве и его сущностном «превосходстве» над потреблением (Леонтьев, 1975, 192–193).

Если на уровне бытия переживание — это восстановление возможности реализации внутренних потребностей жизни, а на уровне сознания — обретение осмысленности, то в рамках отношения сознания к бытию работа переживания состоит в достижении смыслового соответствия сознания и бытия, что в отнесенности к бытию суть *обеспечение его смыслом*, а в отнесенности к сознанию — *смысловое принятие* им бытия.

Что касается соотношения понятия переживания с понятием деятельности, то утверждение, что необходимость в переживании возникает в ситуациях, неразрешимых непосредственно предметно-практической деятельностью, каким бы совершенным отражением она ни была обеспечена, как уже говорилось, нельзя понять так, что к переживанию вообще неприменима категория деятельности и что оно, следовательно, либо является вспомогательным функциональным механизмом внутри деятельности и отражения, либо по своей «природе» выпадает из теоретико-деятельностной картины психологической реальности. В действительности переживание дополняет эту картину, представляя собой наряду с внешней практической и познавательной деятельностью особый тип деятельностных процессов, специфицируемых в первую очередь своим продуктом — смыслом (осмысленностью)³⁴.

---

³⁴ Ср. с глубокой идеей В. К. Вилюнаса, высказанной в отношении «биологического смысла»: «Смысловые образования, хотя они также (как и “познавательные психологические образования”. — Ф. В.) возникают в результате деятельности, однако ею самой по себе не порождаются и не представляют того продукта, который фик-

Переживание является именно деятельностью, то есть самостоятельным процессом, соотносящим субъекта с миром и решающим его реальные жизненные проблемы, а не особой психической «функцией», стоящей в одном ряду с памятью, восприятием, мышлением, воображением или эмоциями. Эти «функции» вместе с внешними предметными действиями включаются в реализацию работы переживания точно так же, как и в реализацию всякой человеческой деятельности, но значение как интрапсихических, так и поведенческих процессов, участвующих в осуществлении переживания, может быть выяснено только исходя из общей задачи и направления переживания, из производимой им целостной работы по преобразованию психологического мира, которая одна способна разрешить ситуацию невозможности, где внешняя деятельность бессильна.

Обращаясь к вопросу о носителях, или реализаторах, переживания, остановимся в первую очередь на внешнем поведении. Внешние действия осуществляют работу переживания не прямо, достижением некоторых предметных результатов, а через изменения сознания субъекта и вообще его психологического мира. Это поведение иногда носит ритуально-символический характер, действуя в этом случае за счет подключения индивидуального сознания к организующим его движением особым символическим структурам, отработанным в культуре и сконцентрировавшим в себе опыт человеческого переживания типических событий и обстоятельств жизни.

Участие в работе переживания различных интрапсихических процессов можно наглядно объяснить, перефразировав «театральную» метафору З. Фрейда: в «спектаклях» переживания занята обычно вся труппа психических функций, но каждый раз одна из них может играть главную роль, беря на себя основную часть работы переживания, то есть работы по разрешению неразрешимой ситуации. В этой роли часто выступают эмоциональные процессы: отвращение к «слишком зеленому» винограду устраняет противоречие между желанием его съесть и невозможностью это сделать (Сартр, 1984), однако в противовес той прочной ассоциации (а порой и отождествлению) между словами «эмоция» и «переживание», которая бытует в психологии, нужно специально подчеркнуть, что эмоция не обладает никакой прерогативой на исполнение главной роли в реализации переживания. Основным исполнителем могут стать и восприятие — в разнообразных феноменах «перцептивной защиты» (Соколова, 1976; Holmes, 1978 и др.), и мышление — в случае «ра-

---

сирует ее предметное содержание» (Виллонас, 1976, 87–88). «Смыслообразует не предметная деятельность...» — пишет он далее.

ционализации» своих побуждений, так называемой интеллектуальной переработки травмирующих событий (Савенко, 1974), и внимание — «защитное переключение внимания на посторонние травмирующему событию моменты» (Рожнов, Бурно, 1978, 349)³⁵, и другие психические «функции». Нужно только подчеркнуть, что, осуществляя работу переживания, психические процессы выступают в особом качестве — как процессы сознания (но не обязательно сознательные процессы)³⁶.

Итак, переживание как деятельность реализуется и внешними, и внутренними действиями. Это положение чрезвычайно важно с методологической и мировоззренческой точек зрения. Традиционная психология в ее идеалистических вариантах замыкала переживание в узком мире индивидуальной субъективности, в то время как вульгарно-материалистические течения по-

---

³⁵ В приводимой В. Е. Рожновым и М. Е. Бурно иллюстрации из «Войны и мира» Л. Н. Толстого описывается реакция Пьера Безухова на смерть Каратаева, состоявшая в том, что он, услышав выстрел, означавший, что Каратаев убит, «в то же мгновение вспомнил, что он не кончил еще начатое перед проездом маршала вычисление того, сколько переходов оставалось до Смоленска. И он стал считать». «Теперь только Пьер понял всю силу жизненности человека и спасительную силу перемещения внимания, вложенную в человека, подобную тому спасительному клапану в паровиках, который выпускает лишний пар, как только плотность его превышает известную норму».

³⁶ Что значит рассматривать некий процесс как психический и как процесс сознания? Не имея возможности обсуждать здесь этот вопрос систематически, обратимся к примеру. Один и тот же факт, допустим, забывание некоторого содержания, может пониматься (а в классической психологии иначе и не понимался) как чисто натуральное событие, результат естественных причин, подчиняющееся во всех отношениях только имманентным законам одной из сфер психики — памяти, и тот же самый факт может быть осмыслен как результат особого процесса сознания — «вытеснения», являющегося мотивированной попыткой субъекта разрешить конфликт своих жизненных отношений. Иначе говоря, как психический факт он рассматривается в пространстве некоторой абстрагированной от произвольности субъекта психической «функции», а как факт сознания он понимается в пространстве человеческой жизни и деятельности, в «онтологии человеческой жизни» (Рубинштейн, 1976) — как событие значимое для осуществления реального жизненного процесса и значащее — способное нечто «сказать» (или, наоборот, «умолчать», но в принципе — «говорящее») об индивидуальном бытии. В качестве процесса сознания забывание может получить характеристику умышленности, намеренности (Фрейд, 1925), то есть считаться не натуральным фактом, а *актом*, своего рода поступком личности.

нимали переживание как эпифеномен, тем самым оставляя его за пределами научного изучения. Деятельностный подход способен преодолеть казавшуюся самоочевидной для традиционной психологии приуроченность переживания исключительно к внутренним, душевным процессам. Человеку удастся пережить жизненный кризис часто не столько за счет специфической внутренней переработки травмирующих событий (хотя без нее и не обойтись), сколько с помощью творческой деятельности, которая, реализуя в качестве предметно-практической деятельности сознательную цель субъекта и производя общественно-значимый внешний продукт, одновременно выступает и как деятельность переживания, порождая и наращивая запас осмысленности индивидуальной жизни человека.

Резюмируем сказанное. Существуют особые жизненные ситуации, которые неразрешимы процессами предметно-практической и познавательной деятельности. Их решают процессы переживания. Переживание следует отличать от традиционного психологического понятия переживания*, означающего непосредственную данность психических содержаний сознанию. Переживание понимается нами как особая деятельность, особая работа по перестройке психологического мира, направленная на установление смыслового соответствия между сознанием и бытием, общей целью которой является повышение осмысленности жизни.

Таковы самые общие, предварительные положения о переживании с точки зрения психологической теории деятельности.